

они не нашли столь полного обоснования, как в рассматриваемой книге. Это, кстати, вопрос не просто метода изучения явлений народной культуры. У старых финских этнографов примерно в форме такого же «ряда» рассматривались и народы угро-финской языковой семьи в целом — вне оценки реальных исторических и социальных факторов их развития, а также в сущности и вне связи их с соседними народами. О неправильности этих позиций и необходимости ареальных исследований К. Вилкуна довольно подробно высказывался на последнем Финно-угорском конгрессе³ и об этом, разумеется, нет возможности говорить в рамках рецензии.

А. А. Лутс, Н. В. Шлыгина

³ К. *Vilkuna*. Sprachgrenze, ethnische Grenze, kulturelle Grenze.— «Congressus Quartus Internationalis Fennо-Ugristarum», р. I. Budapest, 1975, S. 49—61.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

R. Dor. Contribution à l'étude des Kirghiz du Pamir Afghan («Cahiers Turcica», I). Paris, 1975, 341 p.

С выходом в свет книги Реми Дора мы впервые получили возможность более или менее широко познакомиться с различными сторонами жизни киргизов афганского Памира, о которых до настоящего времени имели лишь отрывочные сообщения различных путешественников. Среди них сравнительно более подробным и не потерявшим свою научную ценность до сих пор является описание киргизов афганского Памира в книге Бурхан-уд-Динхан-и-Кушкеки¹ (1923 г.). Первая попытка предварительной классификации всех тюркоязычных племен Афганистана была предпринята Г. Яррингом². Однако в его книге сведения о расселении и образе жизни киргизов Афганистана почти полностью заимствованы у Бурхан-уд-Дин-и-Кушкеки³.

Автор рецензируемой книги Реми Дор, молодой французский тюрколог, занялся изучением быта, культуры и языка киргизов Афганистана. Книга — результат обобщения полевых материалов, собранных автором и его женой Лаур Дор во время двух экспедиций на Памир — летом 1972 и 1973 гг. В первый раз, в июле 1972 г., автор побывал на Малом Памире и собрал лексический материал. Во второй раз, в июне-июле 1973 г., Реми Дор вместе с женой сначала отправился на Большой Памир, для сбора памятников устного народного творчества, а оттуда — на Малый Памир, чтобы продолжить работу предыдущего года. Несмотря на трудности пути и адаптации, а также ограниченное время, супруги Дор собрали разнообразный и оригинальный материал, представляющий большой интерес с историко-этнографической и языковедческой стороны.

Книга содержит очерк природы Памира и истории его изучения (гл. 1); обзор истории киргизского народа и расселения киргизов на Памире; сведения о родоплеменном составе и численности киргизов афганского Памира, об их внутреннем управлении и социальном строе (гл. 2); описание обрядов и обычаев, связанных со свадьбой, рождением и смертью (гл. 3); описание жилища, бытовых условий и хозяйства (гл. 4); пища (гл. 5); игр взрослых и детей (гл. 6). Книга иллюстрирована фотографиями, схемами узоров, чертежами юрт и планами стойбищ. В ней имеются список использованной литературы и указатели — предметный, географических и этнических названий, личных имен, а также киргизских терминов.

Исторический обзор, представляющий собой введение к вопросу о происхождении памирских киргизов, к сожалению, основан на данных, заимствованных из уже несколько устаревшей исторической литературы.

Передвижение киргизов в направлении высокогорных районов Памира и Алая Р. Дор связывает только с усилением экспансии калмыков в Семиречье и Туркестан в XVIII в. (стр. 72, 73)⁴. Однако, согласно указаниям источников, появление кирги-

¹ Бурхан-уд-Дин-Хан-и-Кушкеки. Каттаган и Бадахшан (перевод с персидского П. П. Введенского, Б. И. Долгополова и Е. В. Левкиевского, под редакцией, с примечаниями и с предисловием А. А. Семенова). Ташкент, 1926, с. 159—161.

² K. *Jarring*. On the distribution of Turk tribes in Afghanistan: an attempt at a preliminary classification. Leipzig, 1939.

³ Там же, с. 29, 30.

⁴ Здесь и далее в скобках указаны страницы рецензируемой книги.

зов в Каратегине восходит уже к началу последней четверти XVI в.⁵ Очень ценные сведения по этому вопросу содержатся в до сих пор мало известной части энциклопедического сочинения Махмуда ибн Вали «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар», которое было написано в первой половине XVII в. В нем сообщается о походе балхского войска против киргизов в 20-х годах XVII в. По словам автора, этот поход был вызван неоднократными набегами в оседлые районы Хутгальяна (Куляба) киргизов, в то время постоянно кочевавших в горах, лежащих между Кашгаром и Хутгальяном, а основным районом их сосредоточения была Алайская долина (Дашт-и Алай)⁶. Более того, в сочинении Махмуда ибн Вали зафиксирован факт переселения значительной группы киргизов в район Гиссара не из Семиречья и Ферганы, а из глубинных районов Центральной Азии. Автор пишет, что «одним из событий, показывающих могущество силы и величие славы милостивого хакана (Надр Мухаммада), является то, что в раджабе 1045 г. (декабрь 1635 — январь 1636 г.) двенадцать тысяч семейств киргизов, которые прежде обитали на широком просторе между Каракорумом и Керуленом... и проводили жизнь в неверии, невежестве и в заблуждении, прибыли через Каратегин и окрестность Гиссара (и вступили) под управление счастливого государя⁷.

Все это, несомненно, способствовало расселению отдельных частей киргизов в горах Алая и в северо-восточных районах Бадахшана уже в течение XVII в., откуда некоторые из них переходят на Памир.

По данным, относящимся к началу XX в., на афганском Памире кочевали киргизские племена тейит, кара-тейит, кесек, найман, что осталось вне поля зрения Р. Дора⁸.

По сведениям автора, в настоящее время киргизы афганского Памира представлены следующими племенами: тейит, кесек, найман, кипчак. Главенствующее положение среди них занимает племя тейит, которое делится на роды: сары-тейит, каратейит, кочкор, шамн, текренг, науруз, кутан, чегтир. На втором месте племя кесек. Оно подразделяется на роды: жигжим, кызыл-аяк, кыдырша, куралай, мамачар, кесек, бостон, чок. Третье по значению племя найман состоит из родов: мурза, жору, куран. Кипчаки представлены родами чела, мурудук, сарт (стр. 79, 80).

Большинство перечисленных родов в свое время было зафиксировано и на территории южной Киргизии, Алайской долины и Каратегина⁹, а род сарт помимо Ферганы был отмечен и в Кашгарии¹⁰.

По данным Р. Дора, на афганском Памире помимо киргизов живут калмыки и ваханцы. Первые, по словам исследователя, «до недавнего времени были рабами и теперь „за их усердие“ освобождены от рабства и смешиваются с киргизами; ваханцы же служат у богатых киргизов как управляющие» (стр. 80).

О численности памирских киргизов Афганистана до последнего времени существовали противоречивые суждения — если одни считали, что их там не более 2 тыс.¹¹, то другие доводили эту цифру до 45 тыс.¹². Такая разноречивость объясняется тем, что в Афганистане до сих пор не проводилась перепись населения. Р. Дор насчитал 469 юрт, в которых жило около 3 тыс. чел. Эту же цифру назвал автору и «хан» Рахман-Кул.

По сведениям Р. Дора, киргизы афганского Памира управляются «ханом» из своей среды. Во время пребывания там автора, ханом был некий Аджи Сахоб Рахман-кул из Малого Памира¹³. В вопросах внутреннего управления его власть распространялась на всех киргизов афганского Памира. Если на Малом Памире хан вмешивался во все

⁵ М. А. Салахетдинова. Сведения о киргизах в «Абдулла-намэ» Хафиз-и-Таныша.— «Изв. АН КиргССР, серия общественных наук», т. II, вып. 3, 1960, с. 180, 181.

⁶ Махмуд ибн Вали. Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар. Рукопись № 1496 из библиотеки India Office (фотокопия хранится в Институте востоковедения АН СССР (далее — ИВАН) за № ФВ 337), л. 219^b, 292^a.

⁷ Там же, л. 277^a.

⁸ «Historical and Political Gazetteer of Afghanistan», v. 1. Graz, Austria, 1972, p. 111.

⁹ Н. Ф. Ситняковский. Перечисление некоторых родов киргиз, обитающих в восточной части Ферганской области.— «Изв. Туркестанского отд. РГО», т. II, вып. 1, Ташкент, 1900, с. 108, 109; Я. Р. Винников. Родо-племенной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии.— «Труды комплексной археолого-этнографической экспедиции Ин-та этнографии АН СССР», т. I, М., 1956, рис. 16, 22; А. А. Абышкаев. Каратегинские киргизы в конце XIX — начале XX в. Фрунзе, 1965, с. 15.

¹⁰ К. Ш. Шаниязов. К этнической истории узбекского народа. Ташкент, 1974, с. 117, 118.

¹¹ G. Jarring. Указ. раб., с. 77.

¹² «General atlas of Afghanistan». Teheran, 1975. Однако следует учесть, что в этом Атласе, изданном на английском, французском и персидском языках, киргизами автор считает, возможно, и другие мелкие тюркоязычные народности (казахов, каракалпаков, уйгуров), живущие в Афганистане. В этом Атласе имеется несколько фотографий, отражающих быт, хозяйство и игры киргизов Афганистана. См. с. 79, 94, 95, 127, 162, 164, 167, 176.

¹³ Очевидно, здесь речь идет о предводителе киргизов, которого афганцы называют ханом.

мелкие дела подвластного ему народа, то на Большом Памире непременно с его участием решались лишь серьезные дела, а текущие входили в компетенцию карнедара¹⁴, своего рода наместника хана. В подчинении хана и карнедара находятся аксакалы (их прежнее название «бий» теперь не употребляется). «Но чтобы считаться аксакалом, недостаточно быть просто стариком, а надо еще принадлежать к какой-либо категории высшего социального слоя» (стр. 90). Аксакалы решают спорные вопросы, возникающие между отдельными семьями. И наконец, каждое стойбище из нескольких юрт находится под главенством одного бая (богача), который регулирует внутрисемейные споры.

Решения, касающиеся всех киргизов, обсуждаются на совещании знатных людей (маджилис), в котором участвуют хан, карнедар, аксакалы, знатные бай, а также муллы. При этом правом решающего голоса пользуются 6—7 человек (стр. 90).

Киргизское общество разделялось также на ряд категорий по имущественному положению. Р. Дор выделяет следующие группы: богатые («propriétaires», «бай»), зажиточные скотоводы («éleveurs», «чарбачы»), пастухи («bergers», «койчу») и домашние слуги («hommes de peine»; стр. 91 и примеч. на стр. 116). Автор пишет, что основную часть общества составляют зажиточные скотоводы. Однако, по его словам, богатые эксплуатируют не только пастухов и слуг, но и зажиточных скотоводов, ибо последние вместе со своим скотом пасут и чужой скот, принадлежащий хану или другим богатым лицам (стр. 92). Пастухи своего собственного скота не имеют и пасут байские стада, довольствуясь тем, что для пропитания могут использовать незначительную часть продуктов, получаемых от скота, за которым они присматривают. Слуги занимаются домашними делами и получают мизерное жалование натурой.

Главным источником пополнения категории пастухов и слуг являются осротевшие дети из бедных семей, которых подбирают богатые. Причем все они выходцы из племен найман, кипчак и калмак (стр. 94).

Основной социально-экономической единицей общества афганских киргизов автор склонен считать большую семью, которая охватывает три поколения (стр. 94). В богатых семьях каждый сын с момента своей женитьбы получает отдельную юрту, а также часть родительского скота. Однако скот продолжает оставаться в общем стаде этой семьи (стр. 94). Внутри семьи сохраняются патриархальные порядки, когда подчинение всех членов семьи старшему — патриарху — обязательно.

Несомненный интерес для сравнительного изучения культуры и быта киргизского народа представляют материалы автора об обрядах и обычаях, связанных с рождением и воспитанием детей.

Значительное место в книге (около 60 стр.) уделено описанию юрты, ибо до недавнего времени она оставалась единственным видом жилища киргизов афганского Памира. Только в наши дни на зимних стойбищах стали строить дома. В работе подробно рассматривается технология изготовления частей юрты, а также описывается ее интерьер.

Основной формой хозяйства является экстенсивное скотоводство. Поэтому пищу афганских киргизов составляют преимущественно молочные и мясные продукты. Муку, чай, сахар и другие продукты покупают у приезжих купцов. Из-за трудности доставки на Памир товаров все привозные продукты стоят очень дорого и поэтому доступны только богатым людям. Овощей и фруктов нет даже на ханском столе. В книге дано подробное описание способов приготовления многих мясных, молочных и мучных блюд киргизов афганского Памира. По мнению автора, однообразное питание, особенно недостаток или отсутствие продуктов, содержащих витамины, отрицательно сказывается на росте численности населения. По наблюдениям Р. Дора, высок процент детской смертности и мертворожденных детей, а раннее выпадение зубов у взрослых из-за недостатка витаминов и другие болезни, связанные с проблемой питания, ведут к преждевременному одряхлению.

Представляют интерес собранные автором термины родства афганских киргизов (стр. 101—107), а также большой фольклорный материал. В соответствующих главах приведены отрывки из свадебных песен (стр. 128), колыбельной песни (стр. 141), песни-плача по усопшему (стр. 148), рассказ киргизской женщины о свадебном обряде (стр. 152, 153). Все эти отрывки даны в транскрипции и снабжены подстрочным переводом на французский язык. При этом автору не удалось избежать отдельных неточностей. Так, при переводе песни-плача:

Кирип чыгар эшик жок,
Шыкааларга тешик жок.
Карангы кордо сен калдын,
Кайгынды тартып мен калдым.

(стр. 148)

из-за неправильной транскрипции слово шыкааларга» (подглядывать) автор ошибочно считает производным от слова «сыйка» (гладкий камень), поэтому первые две строки

¹⁴ Термин «карнедар», в переводе с персидского означающий то же, что сельский староста, возник у киргизов, несомненно, под влиянием афганцев.

этой песни на французском языке приобретают, по сравнению с оригиналом, совершенно иной смысл. Следовало же перевести их так:

Il n'est point de porte d'entrée et de sortie
Il n'est point de trou pour regarder (dedans)

В другом месте при переводе колыбельной песни слово «бача» (дитя, ребенок) переведено автором как слово «баша» (падишах, царь). Такой перевод, естественно, вызывает недоумение читателя, так как непонятно, почему в колыбельной песне речь идет о царе (стр. 141).

В результате исследования Р. Дора выяснилось, что среди афганских киргизов эпические сказания, в том числе и «Манас», не бытуют. Луи Базен склонен считать, что они забыли свой эпос¹⁵. Однако могло быть и так, что они «Манаса» вовсе не знали, хотя и существуют сведения о том, что среди киргизов Припамирья и Южной Кашгарии бытовала прозаическая версия «Манаса», принявшая форму сказок¹⁶.

В целом автором собран значительный материал по этнографии афганских киргизов. Однако не все сведения, содержащиеся в этой книге, имеют одинаковую ценность. Так, большой достоверностью и точностью отличаются материалы о жилище и пище киргизов, основанные на непосредственном наблюдении и изучении. Автор также лично наблюдал отдельные игры (улак, кўрош), которые устраивались в честь его приезда. Свадебные и погребальные обряды, а также церемония по случаю рождения ребенка им описаны не по личным наблюдениям, а в результате расспросов. Р. Дор ничего не сообщает о роли охоты в хозяйственной жизни киргизов, тогда как в условиях кочевого быта охота является одним из средств к существованию.

В книге недостаточно использована советская этнографическая литература, что не позволило автору в полной мере сопоставить свои материалы с этнографическими данными по киргизам СССР. В частности, ему, по-видимому, остались неизвестны работа С. М. Абрамзона о киргизах советского Памира¹⁷ и статья Б. Х. Кармышевой о киргизах Каратегина¹⁸. Правда, как отмечается в предисловии, автор не стремился к глубокому сравнительному анализу своих материалов (хотя частично такая работа им проведена), а ставил более узкую цель. «Мы попытались,— пишет Р. Дор,— показать различные грани жизни малозвестного народа и подготовить базу для других исследователей, которые займутся более глубоким изучением» (стр. 5). Введение в научный оборот большого фактического материала по этнографии совершенно неизученной группы населения труднодоступной части Памира является большой заслугой Р. Дора. Особо хочется подчеркнуть значение собранного автором фольклорного и терминологического материала.

А. М. Мокеев

¹⁵ L. Bazin. Histoire et philologie Turques.— «Ecole Pratique des Hautes Etudes. IV Section. Sciences historiques et philologiques», Annuaire 1974/1975. Paris, 1975, p. 494.

¹⁶ Т. Г. Абаева. Исследования А. В. Станишевского о Памире. — «Страны и народы Востока», т. XVII. М., 1975, с. 264.

¹⁷ С. М. Абрамзон. Свадебные обычаи киргизов Памира.— «Памяти М. С. Андреева. Труды АН ТаджССР», т. СХХ. Душанбе, 1960.

¹⁸ Б. Х. Кармышева. Поездка к киргизам Джиргаталя в 1954 г.— «Изв. Отд. общественных наук АН ТаджССР», 1956, вып. 10—11.

НАРОДЫ АМЕРИКИ

D. J. Ray. The Eskimos of Bering Strait, 1650—1898. Seattle and London, 1975, 305 p.

Имя Дороти Джин Рэй — искусствоведа и историка — хорошо известно специалистам по культуре и истории эскимосов Аляски. Первая ее книга, появившаяся в 1961 г., была посвящена искусству резьбы у эскимосов¹. В это же время исследовательница начала собирать материалы по истории и этнографии отдельных племен и групп эскимосов района Берингова пролива, в основном п-ова Сьюард. Искусству была посвящена и вторая книга Рэй — «Эскимосские маски: искусство и ритуал»². Еще одна ее работа — «Искусство эскимосов: традиция и инновация в Северной Аляске» — вышла в свет весной 1977 г.³.

¹ D. J. Ray. Artists of the tundra and the sea. Seattle and London, 1961.

² D. J. Ray. Eskimo masks: art and ceremony. Seattle and London, 1967.

³ D. J. Ray. Eskimo art: tradition and innovation in North Alaska. Seattle and London, 1977.